

ДОРОГАЯ ЛОРИНА ПЕТРОВНА

С.А. Экштут

Аннотация. Статья посвящена воспоминаниям о встречах автора с Лориной Петровной Репиной (род. 29.09.1947), чей юбилей приходится на 2017 год.

Л.П. Репина – историк, специалист в области методологии истории, историографии и интеллектуальной истории Западной Европы. С 1999 г. занимает пост заместителя директора Института всеобщей истории Российской академии наук, является руководителем Российского общества интеллектуальной истории. Среди ее научных разработок стоит отметить многочисленные работы по методологии исторического знания, гендерной истории, исторической урбанистике и т. д.

Ключевые слова: Лорина Петровна Репина, Институт всеобщей истории РАН, Российское общество интеллектуальной истории.

DEAR LORINA PETROVNA

S.A. Ekshtut

Abstract. The article is devoted to memories of the author on encounters with Lorina Petrovna Repina (born 29.09.1947), whose anniversary falls in 2017. L.P. Repina is a historian, specialist in the field of methodology of history, historiography and the intellectual history of Western Europe. Since 1999 she holds the post of Deputy Director in the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, she is also the Head of the Russian Society of Intellectual History. Among her research interests and achievements is worth noting numerous works on methodology of history, gender history, historical urban studies, etc.

Keywords: Lorina Petrovna Repina, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Society of the Intellectual History.

Мы познакомились с Лориной Петровной в 16 часов 19 октября 1994 года. Откуда такая точность? – резонно спросите вы. Точность объясняется очень просто. Во-первых, это день Лицея, столь памятный каждому, кто занимается русской историей Петербургского периода. Во-вторых, именно в этот день я получил служебное удостоверение штатного сотрудника журнала «Родина», к которому шел в течение двух лет, целенаправленно преодолевая многочисленные препятствия. В-третьих, именно в этот день в Институте всеобщей истории РАН начал функционировать семинар по истории частной жизни, которым руководил доктор исторических наук Юрий Львович Бессмертный, где мы и познакомились. Я уже не помню, о чем участники семинара говорили на этом первом, организационном заседании, хотя в моей записной книжке и сохранился обстоятельный конспект прозвучавших реплик. Но я навсегда запомнил единственное в своем роде сногшибательное впечатление: его в первые же секунды знакомства произвела на меня Лорина Петровна – красивая, молодая, грациозная и иронично-умная. Доселе я никогда не встречал, чтобы так много редких достоинств были присущи одной яркой женщине. В моей памяти отложилась выразительная деталь: во время доклада Лорины Петровны, посвященного новейшим современным тенденциям в западной историографии, зашла речь о гендерных исследованиях (так я впервые узнал об их существовании); Лорина Петровна вскользь заметила, что собрания феминисток производят на нее крайне неприятное, даже отталкивающее впечатление. В этот момент мы с ней переглянулись – и этого было довольно. Контакт был установлен. Отныне мы прекрасно понимали друг друга. Любое проявление сектантства было для нас неприемлемо.

Однажды мы вместе выступали на какой-то конференции в здании РАН. Настало время обеда, и мы пошли в столовую. В тот самый момент, когда я с полным подносом подошел к столику, где уже расположилась Лорина Петровна, избрав не самый подходящий момент для куртуазного разговора, я стал говорить о том, как молода и обворожительна моя визави. «Семен Аркадьевич, вы знаете, что у меня уже есть внуки?!» – с очаровательной улыбкой спросила Лорина Петровна. Пожалуй, она несколько поспешила с этой репликой. Я еще не успел сесть, мои руки непроизвольно дрогнули, поднос наклонился – и стакан с киселем опрокинулся, облив столик, но, к счастью, не задев столь молодую бабушку. Вероятно, подсознательно я уже готовился произнести классическое «Не верю!». Сцена получилась в итоге живописная. Кисель был клюквенный, и я возблагодарил судьбу, что не испортил Лорине Петровне ни платья, ни настроения. Взяв ворох бумажных салфеток, я быстро убрал со стола остатки пролитого, и мы со вкусом пообедали. Однако тема внуков очень скоро вновь прозвучала в несколько неожиданном контексте.

Спустя несколько лет продуктивной работы семинар по изучению истории частной жизни стал ощутимо «пробуксовывать». Причину я вижу в авторитарном стиле руководства, который был присущ милейшему Юрию Львовичу. Нам с Лориной Петровной это не нравилось: мне в большей степени, ей – в меньшей, в итоге с какого-то момента мы вместе перестали бывать на регулярных заседаниях, происходивших раз в две недели.

И я был очень удивлен, когда вечером 13 декабря 1999 года мне по домашнему телефону позвонил Юрий Львович и тоном профессионального заговорщика спросил, знаю ли я очень важную новость: у директора ИВИ РАН появился новый заместитель? Я опешил, не очень понимая, во-первых, зачем мне это знать, во-вторых – что именно скрывается за столь поздним звонком Бессмертного и этой незабываемой и единственной в своем роде интонацией матерого конспиратора. (До моего поступления на службу в ИВИ оставалось без малого два года, поэтому моя неосведомленность не требовала дополнительных пояснений, а вот такой вопрос в устах штатного сотрудника института показался мне необычным.) Выждав подобающую паузу и сполна насладившись моим полнейшим незнанием, Юрий Львович торжественно объявил: «Новым заместителем директора стала наша дорогая, столь любимая вами и мной Лорина Петровна!» Да, в пору было опускать занавес. Двумя часами ранее этого красноречивого диалога с Бессмертным, в этот же вечер, я очень долго беседовал с Лориной Петровной по телефону, но в течение продолжавшегося более часа разговора она ни словом не обмолвилась о своем новом назначении. У многолетнего директора ИВИ академика Александра Огановича Чубарьяна, да продлит Господь его дни и укрепит его силы, за последние годы было много заместителей, но, насколько я знаю, лишь назначение Лорины Петровны было проведено Чубарьяном через соответствующее утверждение Отделения историко-филологических наук РАН. Вот почему я любил заявлять Лорине Петровне, что лишь она может считаться законной и единственной «султаншей», другие же заместители директора не вправе претендовать на этот высокий статус.

Мы регулярно встречались с Лориной Петровной в тогда еще не сгоревшем ИНИОН, где так любили заниматься, предпочитая это место другим библиотекам. Лорина Петровна работала в зале истории, я – в зале философии. Приходя в библиотеку, я перво-наперво интересовался: нет ли Лорины Петровны в соседнем зале. Мы частенько сживали с ней на уютном диванчике, расположенном напротив наших залов. Нередко наши беседы затягивались, и тогда я боковым зрением отмечал, что эти посиделки обращают на себя пристальное внимание окружающих. Но я не придавал этому никакого значения, а напрасно! Однажды, дело было в разгар очень морозной зимы, моя жена Людмила, которая работала в ИНИОН, вскользь поинтересовалась у меня, с кем это я сидел сегодня на лавочке. Я напрягся: для меня сидение на лавочке прочно ассоциировалось с парком и иным временем года... Какая могла быть лавочка об это время года?! Жена, смеясь, сказала, что она перепутала диванчик с лавочкой, а потом добавила, что коллега по работе, к слову сказать, однокурсница Лорины Петровны по истфаку МГУ, обратила ее внимание на то, что я уже целый час сижу рядом с очень красивой дамой и увлеченно с ней беседую, не замечая окружающих. «Но ты не переживай. У нее уже внуки!!!» – доброжелательно и оптимистично подвела итог добрейшая коллега моей жены и однокурсница Лорины Петровны, по-женски участливо успокаивая Людмилу. Проблема же женского возраста и связанных с ним предпочтений спустя несколько месяцев заявила о себе во время очередной летней школы, куда мы поехали

вместе – Лорина Петровна, моя жена и я. Наш общий знакомый делал тщательно фундированный и основанный на архивных документах доклад о жителях провинциального города Бежецка в «безумном и мудром» XVIII столетии. Профессор обратил внимание собравшихся на интересную закономерность: овдовевшие купчихи очень часто вторично выходили замуж за своих молодых приказчиков. «Вероятно, они так поступали, чтобы успешно продолжить торговое дело мужа: за тем самым и брали в мужья молодых приказчиков», – подвел итог докладчик. «Ох, вероятно, не только за этим», – вполголоса сказала Лорина Петровна. Мы с женой услышали ее реплику и рассмеялись...

Так получилось, что однажды, это было в самом конце «лихих девяностых», мы вместе с Лориной Петровной возвращались из Казани, где выступали на конференции. В купе было душно. Спать не хотелось. Обсуждали столь важную для Лорины Петровны идею создания Российского общества интеллектуальной истории. Помню, я заметил, что сама эта ее сокровенная идея мне чрезвычайно нравится, но как быть с теорией нового научного направления, ведь теории пока еще нет. «Вот и создайте эту теорию!» – с несвойственной для нашего повседневного общения твердостью изрекла Лорина Петровна. Возражать не имело смысла. Оставалось повиноваться. Так родилась моя книга «Битвы за храм Мнемозины», а затем и трактат «Ворота хронотопов». Стоит ли говорить, что все мои теоретические статьи изначально писались для редактируемого Лориной Петровной Альманаха интеллектуальной истории «Диалог со временем»?!

Чистосердечно признаюсь: все мои книги уже на стадии авторского замысла активно обсуждались с Лориной Петровной. Не имея похвальной привычки оповещать научное сообщество о своих ближайших и отдаленных творческих планах, я считал своим долгом подробно информировать о них Лорину Петровну, причем в ряде случаев как раз она становилась мощнейшим катализатором процесса кристаллизации творческого замысла. Именно так было с моей книгой о Тютчеве, выдержавшей три издания, написать которую меня подтолкнула Лорина Петровна. Вот и сейчас я со дня на день ожидаю из издательства макет новой книги «Живописный детектив», создававшейся в течение ровно двадцати лет, причем каждая из 23-х глав книги подробно обсуждалась с Лориной Петровной. Разумеется, именно Лорина Петровна становилась первым читателем всех моих опусов – как рукописных, так и опубликованных.

Академик Чубарьян, который является для меня безусловным авторитетом и которого я искренне почитаю ряд десятилетий, однажды решил провести реорганизацию Института всеобщей истории. (Полагаю, со временем ИВИ будет носить его имя, но да отсрочит Господь этот момент до морковкина заговенья!) В результате намеченного и уже одобренного переустройства я вместе со своим Центром истории искусств должен был перейти из юрисдикции Лорины Петровны в подчинение другого заместителя директора. Александр Оганович сообщил мне об этом, я отказался, сказав, что готов остаться в руководимом Лориной Петровной Центре интеллектуальной истории на любой должности, хоть младшим научным сотрудником.

(Вероятно, в этот судьбоносный момент я подсознательно вспомнил великого Суворова, задавшего адмиралу Ушакову риторический вопрос: отчего он, Суворов, не был вместе с адмиралом во время взятия острова Корфу, хоть мичманом?!) Академик не ожидал такого ответа и поинтересовался причиной. «Александр Оганович, я способен изменить жене, но не способен изменить Лорине Петровне!» Директор счел мой довод убедительным, так я остался при Лорине Петровне.

Когда говоришь о таких крупных научных фигурах и ярких творческих личностях, каковой является Лорина Петровна Репина, всегда есть соблазн наговорить много лишнего и забыть о самом главном. Поэтому буду краток. Свой юбилей эта по-прежнему молодая и красивая женщина встречает впечатляюще: вышло 35 выпусков информационно-аналитического «Вестника РОИИ» и 59 – журнала «Диалог со временем». Российское общество интеллектуальной истории насчитывает 39 региональных отделений, в них работает более 350 членов. Стоит ли говорить, что все это – плоды рук дорогой Лорины Петровны!